

Научная статья

УДК 321.01

DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-53

EDN: ULINQT

Антропологический конструкт «homo politicus» в поле современной российской политики

Ольга Валерьевна Епархина

Кандидат политических наук, доцент, и. о. заведующего центра анализа и прогноза развития научно-технологического комплекса, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, г. Москва

gelaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2793-7608>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления термина «человек политический» как конструируемого понятия в условиях антропологического поворота и изменения ценностной повестки, происходящих в последние годы в российском культурном и политическом поле. В рамках антропологического перехода актуален вопрос о разработке комплексного антропологического конструкта, объясняющего взаимовлияние жизненных сфер, структур политики и государственной власти, которым и выступает чаще всего «человек политический». Рассмотрены различные подходы к конструкции понятия «человек политический», определено понятие «традиционного транзита/национально-культурного транзита» как процесса укоренения традиционных ценностей. Установлена близость данного конструкта к понятию «нормативной личности». Показана необходимость классификации данного понятия по нескольким основаниям: антропологическому, социологическому, политическому, личностному. Определены возможности и перспективы развития антропологического направления в политической науке, его значимость для отечественной политологии в свете происходящего национально-культурного транзита. «Человек политический» в России как социальный конструкт формировался на основе определенных культурно-исторических традиций, включающих, в том числе стремление к легитимации государственной власти. В силу этого он предполагает признание доминирующей роли государства в системе управления общественными процессами и во многом формируется в рамках коллективного бессознательного. Формирование концепта «человека политического» в России осуществлялось в иных условиях, чем это происходило на Западе, в силу того, что сами отношения государства и человека в России, в отличие от аналогичных взаимоотношений на Западе, определяются не столько общественным договором между гражданами и властью, сколько культурными факторами.

© Епархина О. В., 2025

Ключевые слова: Россия; Запад; государство; политическая антропология; антропологический поворот; человек политический; национально-культурный транзит; традиционный транзит; концепт; конструирование

Для цитирования: Епархина О. В. Антропологический конструкт «homo politicus» в поле современной российской политики // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 53–64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-53>. <https://elibrary.ru/ULINQT>.

Original article

The anthropological construct “homo politicus” in the field of modern russian politics

Olga V. Eparkhina

Candidate of political sciences, associate professor of center for analysis and forecast of the scientific and technological complex development, Russian institute of economics, politics, and law, Moscow

gelaq@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2793-7608>

Abstract. The article attempts to understand the term “homo politicus” as a constructed concept in the context of the anthropological turn and changes in the value agenda taking place in recent years in the Russian cultural and political field. Within the framework of the anthropological transition, the issue of developing a comprehensive anthropological construct explaining the mutual influence of life spheres, structures of politics and state power, which is most often the “homo politicus”, is relevant. Various approaches to constructing the concept of “homo politicus” are considered, the concept of “traditional transit/national-cultural transit” as a process of rooting traditional values is defined. The proximity of this construct to the concept of “normative personality” has been established. The necessity of classifying this concept on several grounds is shown: anthropological, sociological, political, personal. The possibilities and prospects for developing the anthropological field in political science, its significance for domestic political science in the light of the ongoing national and cultural transit are determined. The “homo politicus” in Russia as a social construct was formed on the basis of certain cultural and historical traditions, including the desire to legitimize state power. Because of this, it presupposes the recognition of the dominant role of the state in the management system of social processes and is largely formed within the framework of the collective unconscious. The formation of the concept of a “homo politicus” in Russia was carried out in different conditions than it was in the West due to the fact that the relations between the state and man in Russia, unlike similar relations in the West, are determined not so much by a social contract between citizens and government, as by cultural factors.

Key words: Russia; the West; the state; political anthropology; anthropological turn; “homo politicus”; national and cultural transit; traditional transit; concept; construction

For citation: Eparkhina O. V. The anthropological construct “homo politicus” in the field of modern Russian politics. *Social and political researches*. 2025;4(29): 53–64.

(In Russ).

<http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-53>.<https://elibrary.ru/ULINQT>.

Введение

Понятие «антропологический поворот» возникло в конце XX в. И связано с влиянием антропологии, этнологии, семиотики, истории, психологии, социологии и других дисциплин на общую совокупность в осмыслении индивида и его деятельности. Антропологический поворот предполагает переход к событийному восприятию человека, активизацию применения антропологической и этнографической методологии и гуманистических подходов в социально-образовательной и воспитательной деятельности. Указанный аспект – это одна из попыток смены парадигмы мышления и переформатирования систематического знания о человеке. В связи с этим изменилось понимание образовательной сферы. Так, в частности, начала происходить трансформация институтов, формирующих комплекс ценностей развития и вопросов человеческого потенциала [Захарова, 2024; Антанович, 2022; Зубов, 2023; Тахтамышев, 2022; Гусева, 2023; Голобородько, 2023].

При этом следует отметить, что социальные науки не сумели полностью отделиться от конструктивистских подходов при описании человека, вероятно, в силу их ощутимого и продолжительного влияния на социальную мысль второй половины XX в. Это привело к множественным дискуссиям о совместимости

антропологического и конструктивистского подходов применительно к знанию о человеке.

Эти дискуссии отразились на сфере политической антропологии как области междисциплинарных исследований, объединивших методы многих наук (политология, психология, социология, этология, биология, культурология, теология и др.). Политическая антропология делает акцент на изучении влияния культурно-институциональных, внеинституциональных факторов, и факторов, связанных с конструированием социального действия на индивидуальное и групповое политическое поведение и, опосредствованно, на формальные политические институты.

«Человек политический» по-прежнему остается конструируемым понятием, что обуславливает необходимость изучения механизмов его социализации (в том числе через образовательные институты), ценностной основы его формирования и репрезентации в публичной политике [Волкова, 2023; Тощенко, 2025]. Социализация, особенно политическая, чаще всего происходит не только через образовательные институты, но и механизмы повседневности и государственного принуждения. Данный конструкт занимает свою нишу в ряду прочих аналогичных конструктов: «человек экономический», «человек организационный», «человек потреб-

ляющий», «человек коммуникационный», «e- homo», «человек административный».

В рамках антропологического перехода актуален вопрос о разработке комплексного антропологического конструкта, объясняющего взаимовлияние жизненных сфер, структур политики и государственной власти, которыми и выступает чаще всего «человек политический». Как отмечает В. М. Капицын, «подходы к такому конструкту намечаются в концепциях “человека олигархического” и “человека демократического” (Платон), чистых типов политического господства (М. Вебер), политической культуры (Г. Алмонд и С. Верба), “советского простого человека” (Ю. Левада*), “политического человека” (С. М. Липсет), “гражданской состоятельности государства”» (Ч. Тилли)» [Политология, 2019, с. 53]. Важнейшим моментом в таких конструктах является осознание политических интересов и политического участия, начиная с интереса к информации о политике и заканчивая деятельностью в политических партиях. Также важно, что данный конструкт показывает, как в политике опосредуется взаимовлияние «жизни» и «системы», автономии и зависимости, интересов меньшинства и большинства, государственной власти, норм, соотношение государственной власти с индивидуальной и групповой идентичностью. В американской традиции политической мысли этот конструкт чаще всего соотносился

с темой активного политического участия. В отечественной, как правило, с высокой степенью идентичности и коллективной интеграции, солидарностью с властью, утверждением общих ценностей и набором массовых самооценок, мнением о себе, когда способность к индивидуальному участию не выражена или не находит инструментов. Также зачастую он представляет людей, обладающих стремлением к инклюзии в системе связей общества и государства, способных противостоять эксклюзии, включаться в решение коллективных проблем, оказывать влияние на власть, осознавая, что без этого они не смогут совершенствовать себя и свою жизнь в целом. Социальные изменения должны сохранять вектор движения к «человеку политическому» – инклюзивированному (включенному) в политическую жизнь. Но включение в политическую жизнь невозможно без включения в поле гражданской активности. Е. Гонтмахер предлагает ориентировочный перечень измеримых целевых параметров «включенности»:

- доля самозанятых и занятых в малом бизнесе, находящихся в легальном поле;
- активность на выборах любого уровня;
- масштаб использования государственных и муниципальных электронных сервисов не только для получения услуг, но и для ознакомления с деятельностью органов власти (пассивный гражданский контроль);

- распространенность участия в работе некоммерческих организаций (НКО) и благотворительности;
- параметры, связанные с созданием «сетки социальной безопасности»;
- информационная симметрия государства, индивида и общества, о которой он также упоминает в своих работах [Гонтмахер, 2024, с. 16].

С необходимостью понимания этих позиций связан рост интереса и переосмысление политической антропологии как важнейшей субдисциплины в современной России и конструкта «человек политический» как ее производного.

Методы

В процессе написания статьи были использованы общенаучные теоретические методы, в частности, анализ, синтез, диалектический метод, а также метод социального конструирования.

Результаты

Как отмечает В. Тишков, «... если возникновение в мировой науке политической антропологии как относительно самостоятельной субдисциплины было по сути дела теоретическим обобщением европейского (прежде всего британского) опыта по организации управления колониальными территориями», то в дальнейшем «... в отличие от историографии и политологии, антропология обращает больше внимания на политический процесс, чем на политическое событие, и на такую форму человеческой активности, которая носит больше

публичный, чем частный характер. Уровень данной публичной активности может распространяться от соседской общины до страны или даже мировых регионов, чем мало занималась прошлая политическая антропология, в центре внимания которой были главным образом структурированные и гомогенные общества. Современная политическая антропология включила в свой арсенал не только вопросы социальной истории повседневности и политическую экономию, но и вопросы “символического капитала”, массовых информационных воздействий и неформальных сообществ как важнейших элементов политического поля и системы власти, а также самого существования культурно сложных сообществ (национальных и транснациональных)» [Тишков, 2021, с. 68]. В. Бочаров указывает, что «признание традиционных институтов власти в качестве полноправных элементов культуры предполагало и соответствующее отношение к ним со стороны политиков, пытавшихся адаптировать их к своим целям. ...Переход от структурной теории к теории процесса имел объективную корреляцию в распаде колониальной социальной стабильности. «Племена» были включены в более широкий социально-политический контекст» [Бочаров, 2001, с. 50] Исследователь отмечает, что политическая культура российского общества, как и культура развивающихся стран, имеет два ярко выраженных уровня. Данная политиче-

ская культура элит, которая во многом строится на рационально-западной парадигме, и народная политическая культура, более близкая к традиционной: «Русские ученые конца прошлого – начала нынешнего века постоянно отмечали эту особенность. Н. Бердяев писал, например: “Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в Петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX вв. и даже до века грядущего, XXI века”» [Бочаров, 2001, с. 52].

После издержек демократического транзита 1990-х г. Российское общество в настоящее время переживает аналогичный по структуре и типу процесс, но направленный уже в сторону закрепления традиционных ценностей. С полным основанием мы можем назвать этот процесс «традиционным транзитом» и, пользуясь терминологией М. Урнова, заявить, что в этих процессах культуру, экономику, технологию, социальную структуру, политику целесообразно рассматривать как систему разнородных, но взаимосвязанных факторов современного российского транзита. В этой системе факторов культура играет роль ограничителя в спектре возможных решений и действий индивидов, групп и общества в целом [Урнов, 2011; Урнов, 2012]. При таких процессах, как указывает автор, мы сталкиваемся с таким явлением, как «волатильность культуры» переходного общества.

В этих условиях важно определиться – какой смысл закладывается в концепт «человека политического» – поскольку он может использоваться в различных дисциплинарных дискурсах. А. А. Лубский подчеркивает, что, например, в поле культурологии «человек политический» рассматривается, прежде всего, как «человек своей культуры и своего времени», в контексте той поведенческой и мотивационной модели, которая характерна для этого времени. В политической антропологии «человек политический» предполагает акцент на приоритетных политических ценностях, предоставляющих возможность совместить личные ценности, цели и установки с социально-политическими и государственными [Бочаров, 2001; Урнов, 2011]. В. Мартьянов отмечает, что в поле политологии «человек политический» понимается как элемент, включенный в институциональные практики поддержания порядка, стабильности, эффективного управления. В этом случае человек, по мнению В. Мартьянова, «как продукт и движущая сила функционирования и развития общества» выступает объектом социального управления и основным источником тех социальных изменений, которые рассматриваются в качестве “совокупности индивидуальных действий”, определяющих разнообразные способы реконструкции политической действительности, способный самостоятельно осуществлять выбор из предложен-

ных альтернатив и действовать на основании индивидуальных социально-политических предпочтений и пристрастий» [Мартьянов, 2009, с. 85].

В рамках междисциплинарного дискурса особую значимость имеет нормативно-деятельностный подход к пониманию сущности «человека политического» и его особенностей в России. В рамках данного подхода «человек политический» может рассматриваться в качестве нормативного типа личности. Как отмечает А. Лубский, в научной литературе понятие «нормативная личность» рассматривается в *трех аспектах*:

- личность как идеальный тип, соответствующий культуре данного общества;
- типичная личность как продукт социализации в рамках культуры данного общества;
- личностное воплощение типа общественных отношений, сложившихся в рамках данной культуры. Определенной культурой.

Таким образом, отмечает А. Лубский, «... нормативная личность – это совокупность устойчивых, с трудом поддающихся изменениям черт, характерных для индивидов одной культуры.» [Лубский А. В., Лубский Р. А., 2023; Лубский А. В., 2013, с. 24-30]

Таким образом, смысл, вкладываемый в это понятие Аристотелем, существенно изменился, уйдя от понимания его как общественного существа, реализующего свою естественную сущность жизнью в

полисе. Данное понимание связано с изменением характера общественных отношений; для полисов было характерно совмещение разнонаправленных ролей и функций гражданина (экономическая, политическая, культурная и др.), однако, с приходом Нового времени, происходит диверсификация этих ролей. Как отмечает А. Панарин, «... этот конфликт продолжается по сей день, породив на Западе ситуацию «двух культур», о которых в прошлом столетии писали представители стадийного подхода к анализу динамики обществ. Экономический человек реализует функции производства, политический – распределения продукта, в том числе в социально незащищенных и неконкурентоспособных слоях населения. Соответственно, как отмечает автор, «... сталкиваются два европейских мифа: миф саморегулирующегося рыночного общества, не нуждающегося в каких бы то ни было вмешательствах политики, и миф тотального государственно-политического регулирования, преодолевающего стихии рынка, как и все другие иррациональные стихии» [Панарин, 2010, с. 346]. А. Панарин указывает, что оба этих мифа в своей основе содержат опору на рациональность в ее веберинском смысле, однако, в своем противостоянии постоянно используют обвинение друг друга в ее избыточности или недостаточности, находясь в состоянии перманентного институционального конфликта. «Нахождение у власти социал-демократов олицетворяет доминан-

ту политического человека с его перераспределительными интенциями; приход к власти правых (монетаристов) означает реванш экономического человека, критикующего расточительность социального государства и его инфляционистские эффекты» [Панарин, 2010, с. 346]

Размышляя о «человеке политическом» как конструкте, соотносимом с современной российской действительностью, мы должны осознавать, что политика по своей природе воплощена в действиях, то есть имеет выраженный акциональный характер институтов и форм. Однако, и институты власти, и общественные группы оказывают на индивида социализирующее воздействие и формируют не только профессиональную, религиозную или этническую, но и политическую идентичность личности. Именно в результате данного воздействия формируется личность, способная быть субъектом политики. Субъектность личности в политике проистекает из ее способности, возможности и потребности участвовать в политической жизни общества и государства в соответствии со своими интересами. Но в отличие от других сфер общественной жизни, в политике она реализует личные интересы как часть общественных или государственных интересов.

Как указывает И. Щеглов, в современной российской политической науке человек политический рассматривается в двух плоскостях. *Во-первых*, в плоскости «человек –

политика», где человек политический понимается осознающая свои роли и действующая единица властных отношений. В качестве осознающей себя в ней и функционирующей единицы. В этой плоскости мы можем говорить о ролевой и деятельностной модели такого человека. В первой модели мы говорим о субъектности человека (вне зависимости от того, что/кто выступает в качестве второй стороны – субъект или объект). Субъектность индивида определяется как способность принимать осознанные решения и реализовать свои интересы в рамках системы властных отношений в соответствии с той ролью, которую он исполняет. В рамках второй модели человек политический реализуется как профессионал в политической сфере, что также предполагает выраженный уровень субъектности. *Во-вторых*, мы можем рассматривать человека политического в плоскости «гражданин – государство», где он выступает как гражданин, то есть системный элемент общества и государства, «носитель соответствующего уровня сознания и культуры, обеспечивающий сложную сеть политических отношений, институциональных практик, пространство политических процессов <...> воспроизводство политической реальности» [Щеглов, 2018, с. 16].

Обсуждение

Если говорить о специфике «человека политического» в России, то необходимо упомянуть, что он формировался на основе опреде-

ленных культурно-исторических традиций; как указывает А. Лубский, этот конструкт близок к нормативному типу личности и склонен к легитимации государственной власти [Лубский А. В., 2013]. Это связано в первую очередь с традиционно сильной ролью государства и выраженным консерватизмом в представлении о его функциях и месте в общественной жизни в целом. По мнению автора, здесь задействованы глубинные пласты общественной психологии.

Часто исследователи проводят параллели в изучении процесса конструирования понятий «человек политический» и «человек экономический». При том, что в западных моделях сознания подобные аналогии представляются вполне уместными, в России динамика конструирования первого понятия принципиально иная. Если в западной политической мысли основой выстраивания взаимодействия гражданина и государства является общественный договор, то в России традиционно таковыми выступают культурные или религиозные факторы. В силу этого, как указывает А. Лубский, «человек политический» в современной России достаточно архаичен и склонен к воспроизведению в своих политиче-

ских практиках патриархальности, склонности к мистификации и сакрализации государственной власти, абсолютизации национальных идей и социальных доктрин, санкционируемых политическим лидером, приверженности к мессианским идеям и символическим формам политического поведения, рассмотрению политической действительности в соответствии с логикой бинарных оппозиций. [Лубский А. В., 2013, с. 24-30]

Таким образом, «человек политический» может быть рассмотрен в рамках междисциплинарного курса, включающего антропологическое, социологическое, политическое и личностное основания. *Антропологическое понимание* «человека политического» предполагает исторически сложившийся тип личности; *социологическое* – нормативный тип личности, соответствующий определенной культуре; *личностное* – личность, демонстрирующую политическую субъектность как сознательное участие в политике; и, собственно, *политическое* – личность, демонстрирующую осознанную инклюзию в решении общественно значимых проблем управления с использованием имеющихся в рамках данной культуры властных инструментов.

Библиографический список

1. Антанович Н. А. Политическая антропология как направление политологии // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 4 (78). С. 100–106.
2. Бочаров В. В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 4. С. 37–66.
3. Волкова Е. В. Человек политический – человек религиозный / Е. В. Волкова, Г. И. Васильев // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3 (46). С. 52–59.

4. Голобородько А. Ю. Антропологический поворот в науке, культуре и образовании // Антропологическая педагогика К. Д. Ушинского в XXI веке / А. Ю. Голобородько, Т. Д. Скуднова, Е. А. Макарова [и др.]. Таганрог : Волошина О. И., 2023. С. 9–20.
5. Гонтмахер Е. Ш. Человекоцентричный мир: блажь или реальность? // Образовательная политика. 2024. №1(97). С. 14–25.
6. Гонтмахер Е. Ш. Институт самоорганизации в России: испытание реалиями // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 256–260.
7. Гусева И. И. Трансформация рациональности в социальных науках: от «антропологического поворота» к «цифровому» // Социально-гуманитарные технологии. 2023. № 2 (26). С. 4–9.
8. Захарова Я. А. Политическая антропология: разметка предметного поля // Научная сессия ГУАП : сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2024. С. 8–9.
9. Зубов В. В. Политическая антропология в немецкой классической философии // Гуманитарный вестник. 2023. № 3 (101). С. 1–18.
10. Лубский А. В. «Человек политический в современной России» // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 24–30.
11. Лубский А. В., Лубский Р. А. Человек политический как нормативный тип личности в России: ментальная матрица и нормативная модель поведения / А. В. Лубский, Р. А. Лубский. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2023. 229 с.
12. Мартынов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4. С. 82–90.
13. Панарин А. С. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. Совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. Москва : Мысль, 2010, т. IV. 734 с.
14. Политология : учебное пособие / под ред. В. М. Капицына, В. К. Мокшина, С. Г. Новгородцевой. 2-е изд., стер. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. 596 с.
15. Тахтамышев В. Г. Антропологический поворот в отечественной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 2 (123). С. 46–51.
16. Тишков В. А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 4. С. 68–74.
17. Тощенко Ж. Т. Человек и политическая власть: формы, методы и проблемы взаимодействия // Политическая социология : учебник / В. Э. Бойков, Л. Н. Вдовиченко, Н. М. Великая [и др.]. Москва : Юрайт, 2025. С. 89–112.
18. Урнов М. Ю. Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 5–17.
19. Урнов М. Ю. Что есть справедливость? // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 71–88.
20. Щеглов И. А. Проблема определения понятия «человек политический» в современной российской политической науке // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 14–17.

Reference list

1. Antanovich N. A. Politicheskaja antropologija kak napravlenie politologii = Political anthropology as a direction of political science // Trud. Profsojuzy. Obshhestvo. 2022. № 4 (78). S. 100–106.
2. Bocharov V. V. Politicheskaja antropologija = Political anthropology // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2001. Tom IV, № 4. S. 37–66.
3. Volkova E. V. Chelovek politicheskij – chelovek religioznyj = Political man – religious man / E. V. Volkova, G. I. Vasil'ev // Upravlenie ustojchivym razvitiem. 2023. № 3 (46). S. 52–59.
4. Goloborod'ko A. Ju. Antropologicheskij povorot v nauke, kul'ture i obrazovanii = Anthropological turn in science, culture and education // Antropologicheskaja pedagogika K. D. Ushinskogo v HHI veke / A. Ju. Goloborod'ko, T. D. Skudnova, E. A. Makarova [i dr.]. Taganrog : Voloshina O. I., 2023. S. 9–20.
5. Gontmaher E. Sh. Chelovekocentrichnyj mir: blazh' ili real'nost'? = Human-centered world: whim or reality? // Obrazovatel'naja politika. 2024. № 1 (97). S. 14–25.
6. Gontmaher E. Sh. Institut samoorganizacii v Rossii: ispytanie realijami = Institute of self-organization in Russia: testing realities // Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii. 2025. № 1 (66). S. 256–260.
7. Guseva I. I. Transformacija racional'nosti v social'nyh naukah: ot «antropologicheskogo povorota» k «cifrovomu» = Transformation of rationality in the social sciences: from “anthropological turn” to “digital” // Social'no-gumanitarnye tehnologii. 2023. № 2 (26). S. 4–9.
8. Zaharova Ja. A. Politicheskaja antropologija: razmetka predmetnogo polja = Political anthropology: subject field markup // Nauchnaja sessija GUAP : sbornik dokladov Nauchnoj sessii, posvjashhennoj Vsemirnomu dnju aviatsii i kosmonavtiki. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ajerokosmicheskogo priborostroenija, 2024. S. 8–9.
9. Zubov V. V. Politicheskaja antropologija v nemeckoj klassicheskoj filosofii = Political anthropology in German classical philosophy // Gumanitarnyj vestnik. 2023. № 3 (101). S. 1–18.
10. Lubskij A. V. «Chelovek politicheskij v sovremennoj Rossii» = “A political man in modern Russia” // Social'no-gumanitarnye znanija. 2013. № 11. S. 24–30.
11. Lubskij A. V., Lubskij R. A. Chelovek politicheskij kak normativnyj tip lichnosti v Rossii: mental'naja matrica i normativnaja model' povedenija = A political person as a normative type of personality in Russia: a mental matrix and a normative model of behavior / A. V. Lubskij, R. A. Lubskij. Moskva : NIC INFRA-M, 2023. 229 s.
12. Mart'janov V. S. «Chelovek politicheskij»: modeli opravdaniya vlasti = “Political man”: models for justifying power // Chelovek. 2009. № 4. S. 82–90.
13. Panarin A. S. Novaja filosofskaja jenciklopedija = New philosophical encyclopedia. V chetyreh tomah. / In-t filosofii RAN. Nauchno-red. Sovet: V. S. Stepin, A. A. Gusejnov, G. Ju. Semigin. Moskva : Mysl', 2010, t. IV. 734 s.
14. Politologija = Political science: uchebnoe posobie / pod red. V. M. Kapicyna, V. K. Mokshina, S. G. Novgorodcevoj. 2-e izd., ster. Moskva : Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K^o», 2019. 596 s.

15. Tahtamyshev V. G. Antropologicheskij povorot v otechestvennoj filosofii = Anthropological turn in Russian philosophy // Gumanitarnye I social'no-jekonomicheskie nauki. 2022. № 2 (123). S. 46–51.
16. Tishkov V. A. Novaja politicheskaja antropologija = New political anthropology // Zhurnal sociologii I social'noj antropologii. 2001. Tom IV, № 4. S. 68–74.
17. 16. Toshhenko Zh.T. Chelovek I politicheskaja vlast': formy, metody I russian vzaimodejstvija = Man and political power: forms, methods and problems of interaction // Politicheskaja sociologija : uchebnik / V. Je. Bojkov, L. N. Vdovichenko, N. M. Velikaja [I dr.]. Moskva : Jurajt, 2025. S. 89–112.
18. Urnov M. Ju. Rol' kul'tury v demokraticheskom tranzite = The role of culture in democratic transit // Obshhestvennye nauki I sovremennost'. 2011. № 6. S. 5–17.
19. Urnov M. Ju. Chto est' spravedlivost'? = What is justice?// Obshhestvennye nauki I sovremennost'. 2012. № 5. S. 71–88.
20. Shheglov I. A. Problema opredelenija ponjatija «chelovek politicheskij» v sovremennoj rossijskoj politicheskoy nauke = The problem of defining the concept of “political man” in modern Russian political science // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2018. № 3. S. 14–17.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

*** Данное лицо выполняет функции иностранного агента**